

Сюжетообразующая роль лирического в художественно-документальном цикле очерков А. Чайки «Пароль-хлеб»

Романова Светлана Викторовна

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Аспирант

Аннотация

В статье показана роль лирического в формировании сюжета. В развитии сюжетной канвы определяющее значение принадлежит созданию устойчивого мотивного комплекса, который в сложной диалектике советско-афганских отношений выявляет единство и братство двух народностей. В данном случае лирическое выступает отражением высоких целей и идеалов. Лиризация, как стилеобразующий фактор, обуславливает создание романтического образа героев, способных на подвиг и жертвенность. В выражении лирического и формировании задушевного тона повествования особая роль принадлежит речевым средствам выразительности.

Ключевые слова: документальный цикл очерков «Пароль-хлеб», А. Чайка, афганская война, лирическое, сюжет.

The plot role of the lyric in the artistic-documentary series of essays by A. Chaika «Password-Bread»

Romanova Svetlana Viktorovna

Vitebsk State University named after P. M. Masherov

Postgraduate

Abstract

The article shows the role of the lyric in the formation of the plot. In the development of the plot outline, decisive importance belongs to the creation of a stable motive complex, which in the complex dialectic of Soviet-Afghan relations reveals the unity and brotherhood of the two nationalities. In this case, the lyric is a reflection of high goals and ideals. Lyricization, as a style-forming factor, determines the creation of a romantic image of heroes capable of heroism and sacrifice. In the expression of the lyric and the formation of the intimate tone of the narrative, a special role belongs to the speech means of expressiveness.

Keyword: documentary series of essays «Password-bread», A. Chaika, Afghan war, lyrical, plot.

В русскоязычной прозе Беларуси рубежа XX-XXI веков наблюдается тенденция, демонстрирующая небывалый рост художественно-документальных форм повествования. Сложная и противоречивая действительность ретроспективно обращает внимание писателей к темам

недавнего исторического прошлого. Одной из актуальных тем остается освещение событий афганской войны (1979-1989). Афганская война, в отличие от Великой Отечественной, в сознании народа предстает как роковая и историческая ошибка, ненужная и бессмысленная жертва, «незаживающая рана нашей ближней истории» [1]. Поликаузуальный характер повествования в творчестве русскоязычных авторов Беларуси позволяет отказаться от монохромного восприятия этой страшной трагедии конца XX века. Искажение фактов вооруженного конфликта в Афганистане, неправомерное смещение акцентов в восприятии афганской войны становится одним из мощных идеологических средств в условиях современной геополитической ситуации в мире. Перевираание военной истории, некоторая недосказанность и двусмысленность во взглядах на афганскую кампанию актуализируют задачу дальнейшего изучения этой темы.

Объектом нашего исследования является цикл очерков А. Чайки «Пароль-хлеб». Предметом исследования – сюжетообразующая роль лирического в документальном повествовании.

Цель – определить роль лирического в формировании сюжетной канвы документальных очерков А. Чайки в цикле «Пароль-хлеб».

Основная часть. Передавая личный опыт участников афганской войны, каждый из авторов в русскоязычной прозе Беларуси по-своему отражает взгляд на проблему: С. Алексиевич «Цинковые мальчишки», В. Зданюк «Я штурмовал дворец Амина», А. Чайка «Среди афганских гор» и др.

В отдельном ряду в «новой военной прозе» стоят очерки А. Чайки «Среди афганских гор». Основываясь на реальных событиях, писатель создает свое произведение в героико-романтическом ключе, где особое значение отводится сюжетообразующей роли лирического в раскрытии духовного подвига советского воина и простого афганского народа. Документальные очерки А. Чайки «Среди афганских гор» представляют собой повествование с вкраплением воспоминаний, монологов-откровений, бесед, писем. Его структуру образуют циклы с общими названиями: «Пароль – «хлеб», «Лицом к огню», «Через 1000 смертей», «Мужество – выше гор», «Шла рота в разведку».

Документальный очерк как разновидность малой формы воспроизводит реальные факты и явления в оценке автора. Мысли и чувства, отдельные переживания писателя становятся идейно-композиционным центром произведения. Субъективное повествование выражает лирическое и выступает стилеобразующим фактором автора в раскрытии и передаче главного – нравственной красоты его героев.

Лиризм как эстетическая категория характеризует особый способ художественного мышления, в котором преобладает сокровенное, личное переживание. В создании лирического тона используются разнообразные средства выразительности, передачи эмоционального и душевного. Особая роль лирическому принадлежит в обрисовке и раскрытии характеров, в передаче внутреннего драматизма в период суровых походов и боевых

действий, в пейзажных зарисовках, основной функцией которых является художественный параллелизм.

Обратимся к анализу художественно-документального цикла «Пароль – «хлеб». Два рассказа «Бой в ущелье» и «Сильнее страха» объединены общим лейтмотивом – бережное и трепетное отношение к хлебу у советского воина и афганского народа выступает символом и залогом дружбы, братства двух государств.

Уже в заголовке автор апеллирует к сознанию читателя архетипическим представлением о хлебе в славянской культуре. У православных славянских народов святое отношение к хлебу, в первую очередь, было определено укладом жизни, в котором центральное место занимали праздничные богослужения с таинством причащения, претворением евхаристического хлеба в Тело Христово. Искупительная жертва Христа и приготовление хлеба как «заклание Агнца» лучше всего находило отклик у крестьян, которые в монотонном ежедневном труде, страданиях, лишениях хорошо знали «цену» хлеба.

Истинную «цену» хлеба знал и простой афганский народ, живший в страшной нищете, постоянно подвергаясь жестокой расправе, безжалостным пыткам и нещадному грабежу со стороны разнообразных исламистских группировок и бандформирований: «Говорят, взрослые афганцы скупы на слезы, потому что мужественны. Но говорят еще и другое: им не хватает слез на всю жизнь, чтобы оплакивать свои беды и горе» [2].

У А. Чайки выражение чужой боли экзистенциально охватывает весь цикл очерков, интонируя каждую подробность афганского существования. Неслучайно автор начинает свое повествование с яркой антитезы, противопоставляя образы двух девочек. Главный герой, рассказчик-прапорщик Григорий Захаревич, встречает в поезде «мордастенюкую девчущку... лениво жующую медовый пряник. Волосы у нее сметанно-белые, глаза прозрачно-голубые, щеки словно налитые морковным соком и нарочно надутые» [2]. Тут же он вспоминает другую, с которой довелось ему познакомиться в Афганистане: «...с печальными глазами, запавшими щеками, на которых проступала бледность. Вся она была – кожа да кости...Смугляночка совсем по-старушечьи морщила лоб, будто что-то соображала или хотела разглядеть, кто подошел к ней – друг или враг, добрый человек или злой» [2]. В обрисовке этого небольшого эпизода автор целенаправленно прибегает к средствам речевой выразительности, обнаруживающих разительный контраст, позволяющий во всей полноте отразить трагизм крестьянской судьбы и проникнуться любовью и щемящей жалостью к афганскому народу.

«По-старушечьи» наморщенный лоб рассказывает о непростой судьбе детей, которым с самых малых лет знакома нищета, голод, насилие и притеснение. У афганских ребят просто нет детства как такового, они вынуждены с первых дней жизни приспособливаться к лишениям и трудностям, приобретая к отроческим годам уже большой духовный опыт. Мальчики рождаются с «оружием» в руках и практически лишены ощущения

детской радости и забавы. В их жизни уже все «по-настоящему», по-взрослому: тяжелый изнурительный труд, серьезное и вдумчивое отношение к устройению хозяйства, забота о «куске хлеба». Однако, каким бы закаленным в моральном плане не казался ребенок, его «нежный» возраст не всегда позволяет адекватно воспринимать окружающую действительность. «Затравленные», они боятся в любом жесте допустить ошибку; относясь с большим недоверием ко всему, испытывая внутренний страх, перепроверяют и тщательно взвешивают каждое свое решение. Любой неверный шаг может обернуться неминуемой гибелью. Надо полагать, именно поэтому искреннее желание советского воина угостить девочку хлебом вызывает у нее неоднозначную реакцию, смешанную с испугом, недоверием и боязнью: «Она протянула было к хлебу сине-прозрачные ручонки (даже косточки просвечивались сквозь кожу), но почему-то не посмела взять» [2]. Обыденная ситуация, не требующая сложных и противоречивых размышлений, становится непосильной задачей и для ее матери в определении морального выбора: в душе героини происходит внутренняя борьба между внушаемыми исламскими установками «не брать пищу из рук неверных» и сильного, оберегающего родительского чувства. Однако трудности в жизни афганского народа уже научили с долей разумной прозорливости отличать хорошее от плохого, доброе от злого: «Мать все же решилась, сказала девочке какое-то слово, сказала почти беззвучно, одними губами, – и та мгновенно, обеими ручонками схватила хлеб, впилась в него ртом» [2].

Символический образ хлеба формирует мотивный центр художественно-документального повествования. Развитие сюжета обеспечивает не раскрытие конфликта, а мотивная организация лирического цикла. Лиризация, выступая стилиобразующим фактором, проявляет себя в поэтизации жертвенного подвига воинов-интернационалистов. «Хлебный рейс» представлял собой одну из самых частых операций в боевых буднях солдат, в задачу которых входило доставить колонну с хлебом в кишлак – сельское поселение. Старший прапорщик Григорий Захаревич получил как раз такое задание – «... спасти от голода людей целой провинции» [2]. Однако на пути требовалось снять блокаду врага, который рассчитывал перехватить груз, чтобы его уничтожить.

В разгар боя, рискуя своей жизнью, солдаты бросаются к пылающей машине и «из самого пекла» выбрасывают мешки с зерном из кузова. Для более яркой и образной передачи своих мыслей А. Чайка использует метафору, которой выражает всю боль голодного афганского народа: «Черными тягучими слезами капал расплавленный сахар. В воздухе витал запах горелого хлеба...» [2]. Осознавая степень возложенной ответственности, бойцы делают все возможное, чтобы доставить груз в полной сохранности, даже когда в мотор грузовика попадает ракета.

После боя советских ребят встречает отряд царандоевцев (афганских военных из разведывательно-боевых групп) с ответом «дружба» на пароль «хлеб». В культурных традициях многих народов хлеб выступает символом жизни и труда: «На Востоке, когда едят хлеб, говорят мало. Хлебом

наслаждаются, тщательно разжевывают, вбирая в себя его дух и силу, впитывая от него соки земли, энергию солнца» [2]. Отсюда особый лиризм, проникновенность, своеобразная обрядовость, наполненная тайным и священным смыслом в тот момент, когда принесли хлеб: «Есть принялись не сразу, сначала с благоговением втянули в себя ароматный хлебный дух, приложились к хлебу устами, словно целуя его, и только потом осмелились надкусить. Ели молча» [2].

Когда враг засылает к советским воинам Кадыра, у которого главарь банды забрал в заложники семью, с поручением заманить шурави (советских военных) в ловушку, он клянется хлебом, что не хочет никому причинять зла, – и Григорий Захаревич верит ему, понимает, что старый афганец – лишь заложник обстоятельств.

В сознании героев образ хлеба концентрирует и транслирует духовный опыт афганской войны, основным приобретением которого становится осознание родства и единства народов: «Григорий разломил лепешки, подал каждому по половине.

– Спасибо, брат, – говорили афганцы тихо на своем языке, склонив голову и приложив руку к сердцу» [2].

Прибегая к лирическим элементам, особой эмоциональности, задушевности, автор формирует своеобразный мирообраз, раскрывающий непростую диалектику дружественных афганско-советских отношений. Обращаясь с благодарственным словом к советским солдатам, правительственные войска произносят слово «намакхор». Оно не имеет эквивалентного перевода в русском языке, но общий смысл этой лакунарной единицы можно раскрыть в следующем выражении: «тот, кто ел соль и хлеб в доме друга, считается братом по хлебу и будет предан ему всю жизнь» [2]. Такой благодарностью и взаимностью отвечают афганцы тем, кто их спас от голодной смерти, кто помог доставить колонну с хлебом и другой провизией.

Функционирование концепта «хлеба» связано с выражением мотивного комплекса, отражающего важнейшие темы документального цикла: единство и дружба двух государств, величие духа простого афганского народа, благодарность и признательность воинам-интернационалистам. Когда у советских воинов спрашивали, что им запомнилось больше всего за время службы в Афганистане, чаще всего они отвечали, что не забудут радужное и братское отношение афганцев: «...никогда не забыть сердечной благодарности людей, спасенных нами от вражеской расправы, от голода, не забыть братских объятий афганских сарбазов...» [2]. Хлеб выступает не только символом дружбы, но и символом надежды на «светлое будущее»: «Для нас, воинов-интернационалистов, нет награды более высокой, чем эта искренняя благодарность, горячая признательность афганского народа за помощь, за все, что сделали мы для защиты Апрельской революции» [2]. Безусловно, такая патетика и тенденциозность подчеркивает ярко выраженную связь с принципами соцреализма, когда в задачу художника входило развитие идей революционной борьбы за строительство социалистического общества. Очерки А. Чайки создавались в период, когда

афганская война подходила к своему логическому завершению – выводу советских войск из Афганистана. В тот период, несмотря на слабую экономику, народ еще не предвидел распада СССР, и внутренне ощущая неизбежность перемен, продолжал верить, что изменения в политической и социокультурной жизни общества будут носить тотальный характер, вне стороны вопроса о разделении народностей.

Автор формирует своеобразную эмотивную тональность произведения, которая «окунает» в самобытный уклад жизни декхане. С помощью особых средств выразительности и экзотизмов писатель погружает в этот удивительный мир простого народа, насыщенный запахами печеного хлеба, наполненный звуками и стуками трудовых будней деревни: «...кишлак постепенно оживал, то тут, то там курились во дворах дымки – женщины разжигали тандыры, пекли лепешки» [2]. Автор неслучайно придает «напевность» этнографическому описанию: поэтизируя быт крестьянина, он восхищается красотой его души, его терпением, радушием, простотой. Специфика лексики создает ощущение живого участия в событиях и собственного присутствия в пространственно-временной структуре произведения: кетмень – сельскохозяйственное оружие, закят – подавание нищим, караванбаши – проводник караванов, кяризы – подземные водоводы для орошения полей, ханум – девушка и др.

Одним из важнейших лирических приемов у автора выступает пейзажный параллелизм, который в сложной архитектонике произведения позволяет переключать внимание от описаний родной природы, мелькающей за окном поезда, к другим зарисовкам и воспоминаниям главного героя о далеком и «горячем» Афганистане. Картина зимнего пейзажа передает бескрайность и величие русских просторов: «В окне вагона – голубые снега, сосны и ели, закутанные в серебристо-белые шубы» [2]. Природа Афганистана прекрасна по-своему, но и таинственно опасна. Автор предваряет свое повествование о «хлебном рейсе» зарисовкой, изобилующей деталями, как бы заранее настраивая читателя на понимание всей «каверзости», непредсказуемости, жестокости афганской войны: в Афганистане снег мелко покрывает землю и с первыми лучами солнца тут же исчезает, оставляя после себя «темные лужи», а с заходом солнца горы «раскидывают свои черные крылья теней – вода под ними схватывается ледяной коркой» [2]. Оказавшись в это время в горах, кто бы то не был, рискует там остаться навсегда.

Чем дальше «тепловоз скрывался в зелено-белых пирамидах сосен», тем больше у героя складывалось ощущение, что он попадает в «снежную сказку» [2]. Однако тут же впечатление оборвалось другой, контрастной картиной: «...в серых и коричневых тонах, и виделась ему каменно-клыкастая пасть ущелья», в которую въезжали грузовые машины его колонны [2]. Становится очевидным, что именно в эту минуту начнется главный бой, который придется тяжело держать советским воинам. В самые трудные моменты солдаты отбрасывали все «личное», осознавая, что существует высший нравственный закон, который оценит их жертву. Так, в своей

дилогии «Живый в помощи» В.Н. Николаев замечает: «Смерть – это Божий дар. Как и рождение. Это логический итог нашего земного существования» [3]. В этом смысле жизнь и подвиг воинов-интернационалистов оправданы их бескомпромиссным служением ближнему.

Роковая предопределенность, ощущение фатальной неизбежности в какие-то моменты приближает к истинному пониманию жизни и ее ценности на земле. Находясь в пограничной ситуации, душа русского воина наполняется музыкой и ритмом многоликой жизни, воссоздающих красоту и гармонию мира: «Мерцали в вышине зори – синими, красными, зелеными отблесками. Манил к себе широкий Млечный путь, что перекинулся огромным коромыслом через всю Вселенную» [2]. В таких условиях внимание солдата привлекают мелочи, незначительные детали, но именно они помогают почувствовать связь частного с целым, личного со всеобщим. Такая лиризация воссоздает образ романтического героя, который, пройдя испытание боем, видит то, что недоступно и закрыто для других.

По мнению В.Е. Хализева, «в лирике на первом плане единичные состояния человеческого сознания: эмоционально окрашенные размышления, волевые импульсы, впечатления, внерациональные ощущения и устремления» [4]. Такой иррациональной стороной лирического выступают песни, которые органично вписываются в повествование и становятся выражением чаяний и надежд русского солдата, а также выступают в функции «буфера» в период психоэмоциональной нагрузки:

«Ждут своих ребят девчонки где-то,
Фотоснимки бережно храня.
Впору нам встречать любви рассветы,
А не пули в полосе огня» [2].

Песни, являясь неотъемлемым компонентом в пространственно-временной структуре цикла, выступают своеобразным лирическим элементом, эмоционально роднящего и примиряющего воинов друг с другом и с суровой афганской действительностью. Нельзя не согласиться в этом отношении с выражением Л.Я. Гинзбург, которая писала о лирике: «она... устремлена к общему, к изображению душевной жизни как всеобщей» [4,5]. Простые слова песен объединяют «афганское братство», в них заключены невыразимая боль пережитого на войне, тоска по родному дому и затаившаяся тревога перед предстоящим боем.

Строки всегда пронизаны чувством любви к родине и близким, покой которых «прозревшие» и умудренные опытом солдаты, сыновья русской земли, оберегают с особой тщательностью. Они понимают, что всю правду не расскажешь не только потому, что не хочется тревожить материнское сердце, но и потому, что не все можно выразить обычными словами, – о превратностях судьбы можно лишь только догадываться:

«Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной земле
Спят тревожно русские солдаты» [2].

Заключение. Доминантой художественно-документального повествования А. Чайки является лиризм. Особая роль лирическому отводится в формировании сюжета. Главная функциональная нагрузка ложится не на создание конфликта, как организующего центра, а на – формирование устойчивого мотивного комплекса «хлеб как основа единства и братства дружественных народов», раскрытие духовного подвига советских воинов.

Библиографический список

1. Агеев А. Бесконечное возвращение // Литературное обозрение. 1991. №10. С. – 42.
2. Чайка, А.Ф. Среди афганских гор : докум. повести / А.Ф. Чайка. Мн.: Беларусь, 1989. 191 с.
3. Николаев, В.Н. Живый в помощи : документальная повесть в 2-х частях / В.Н. Чернец. М.: Софт Издат, 2006. 320 с.
4. Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. 360 с.
5. Гинзбург Л.Я. Записки блокадного человека. М.: Издательство «Э», 2018. 640 с.